

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

В. Г. Гузев

ПАРАДИГМА ФИНИТНЫХ ФОРМ ИМЕН КАК КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

(На материале староанатолийско-тюркского
и турецкого языков)

Морфологическая категория сказуемости, присущая именным частям речи, выделяется не всеми тюркологами-языковедами¹, и уже поэтому вопрос о ней нуждается в разработке.

Существующее представление об именной категории сказуемости связывается с формами, образуемыми «вневременной связкой» или «аффиксами сказуемости» типа турецких форм:

<i>talebe-yim</i>	<i>talebe-yiz</i>
<i>talebe-sin</i>	<i>talebe-siniz</i>
<i>talebe-dir</i>	<i>talebe-dirler</i>

('я, ты, он (она) — учащийся; мы, вы, они — учащиеся').

Ограничение списка аффиксов, оформляющих именное сказуемое, только теми, которые содержатся в приведенных словоформах, связано с представлением о так называемом недостаточном глаголе. Широко распространено мнение, что образования типа *talebe idim* 'я был учащимся', *talebe imişsin* 'оказывается (или говорят, что), ты учащийся', *talebe iseniz* 'если вы учащийся', также являющиеся финитными и также способные выступать только в функции сказуемого, суть глагольные, поскольку элемент *i-* (восходящий к древнему глаголу *är-/er-/ir*²) в показателях *idi-*, *imiş-*, *ise-* представляет собой «недостаточный глагол».

В тюркском языкознании пока еще нет единства во взглядах на грамматический статус форм, в которых обнаруживается «недостаточный глагол», как нет и терминологического единства — наряду с упомянутым термином для обозначения интересующего нас элемента используются названия: «вспомо-

гательный глагол», «служебный глагол», «неправильный глагол»³.

А. Ходжиев в цитируемой выше работе, анализируя пригодность каждого из этих терминов, наиболее подходящим признает термин «недостаточный глагол», поскольку он «позволяет дифференцировать глагол *э-* (на нашем материале *i-* — В. Г.) от всех других глаголов, выражающих грамматические значения либо выполняющих иные вспомогательные функции»⁴. Но А. Ходжиев признает, что «глагол *э-* все-таки отличается от того, что в языкознании принято понимать под „недостаточным глаголом“». Это отличие заключается в отсутствии у первого самостоятельного значения.

То обстоятельство, что до сих пор не удалось выработать безупречного термина для обозначения элемента *i-*, свидетельствует, что его интерпретация продолжает нуждаться в дальнейшей разработке.

Прежде всего уместно поставить вопрос, корректно ли называть глаголом элемент, который не имеет самостоятельного значения. Ведь глаголы — слова, обозначающие действие, знаменательные, т. е. полнозначные слова. Ответ, разумеется, может быть только отрицательным. И недостаточный глагол должен быть полнозначным словом, обозначающим действие, но лишенным способности выступать во всех парадигматически возможных словоизменительных формах. Не случайно в качестве примеров недостаточных глаголов в европейских языках называются такие полнозначные глаголы, как французский *gésir*, английские *must*, *can*.

В самых древних тюркских письменных памятниках *är-* выступает как глагол со значением 'быть, являться, находиться, иметь место, быть в наличии'. Перед нами типичный глагол бытия. В нем еще отчетливо чувствуется знаменательное начало, которое можно усмотреть в таких примерах, как⁵: *jazyñ-syzyn ärmäk çaxšapot* 'Заповедь быть безгрешным'; *xatunynta toymyş körgäli säviglig üč oylany ärti* 'Было [в значении: имелось] трое родившихся от ханши красивых, миловидных сыновей'.

О том, что этот глагол в принципе был некогда полнозначным, свидетельствует и наличие в древнетюркских языках однокоренных с ним и, видимо, происходящих от него семантически родственных имен существительных: *ärdük* 'бытование, бытие'; *ärig* : *ärig jir* 'место существования, место пребывания, остановка в (пути)'; *ärgü* 'жилище'⁶.

Об этом же свидетельствует и само многообразие продуктивных форм, в которых он встречается в памятниках; он употреблялся не только в формах прошедших времен на *-dy* и *-miš* (*ärdi*, *ärmiš*), но и в форме настоящего-будущего на *-(A)r*

(утвердительная основа: *ärür*, отрицательная основа: *ärmäz*), в формах желательного и условного наклонений (*ärgäj, ärsär*), в формах глагольных имен: *ärmäk, ärigli*⁷.

В финитных формах глагол *är-* выступает:

1) как компонент составного именного сказуемого, т. е. в роли связки: *Budun boıyzu toq ärti* (Тоньюкук) 'Горло народа было сытым'; *...bägläri jämä buduny jämä tüz ärmis* (Кюль-Тегин. Большая надпись) 'И их правители и народ были прямы (т. е. верны кагану)';

2) как компонент сложных глагольных временных форм: *Käjik jiju, tabysyan jiju olurur ärtimiz* (Тоньюкук) 'Мы жили (там), питаясь оленями и питаясь зайцами'; *... anča olurur ärmis* (Кюль-Тегин. Большая надпись) 'Они так обитали (восседали)';

От этого глагола образованы также показатели *ärinč* и *ärki*, выражающие модальное значение 'пожалуй, возможно' и входящие в состав сказуемого: *bujuruky jämä bilgä ärmis arinč, alp ärmis ärinč* (Кюль-Тегин. Большая надпись) 'И их «приказные» были мудры, были мужественны'; *adyn säwär amrakyny bar ärki* 'У вас, вероятно, есть другая возлюбленная'⁸.

Итак, в древнетюркских языках *är-*, с одной стороны, выступает как полнозначный глагол, с другой — имеет сферу служебно-грамматического функционирования: связка, компонент сложных глагольных времен, корневая часть показателей, имеющих модальное значение.

В староанатолийско-тюркском и тем более в современном турецком языке картина резко отличается от той, которую мы видим в древнетюркских памятниках.

В староанатолийско-тюркском языке реликт глагола *är-* в виде гласного *i* обнаруживается только в показателях: *idi, imiş, isä, ikän, idük-*.

Первые три или оформляют именные сказуемые, или используются для образования сложных глагольных именных форм: *jedi jaşynda idi Jusuf näbi* (ЮЗ, 2) 'Пророку Юсуфу было семь лет'; *Kan olurdy ary su käfirlärä cānlary olur idi andan kara* (СВ, II, 35) 'Чистая вода становилась для неверных кровью, их души становились от этого черными'; *gökçäk ögütlärüj var imiş* (М, 66) 'оказывается, у тебя есть прекрасные советы'; *illā ol uslu dāgülmüş* (М, 14a) 'Он, оказывается, неразумный'; *emdi işit bu sözi varsa cānuj* (ЮЗ, 2) 'Теперь послушай этот рассказ, если у тебя есть сердце';

*Täri nuryndan doludur cānlary
iki görmä, gözlütsäq, anlary* (СВ, II, 117)

'Божественным светом полны их души,
если у тебя есть глаза, ты не должен их видеть
раздвоенными'.

Показатель *ikän* оформляет именные или глагольные (чаще всего глагольно-именные, т. е. образуемые при участии глагольных имен) обстоятельственно-временные формы: *Bän, ki aḡa āşuqvam, uslu ikän dälüväm* (СВ, III, 6) 'Я, влюбленный в нее, — безумец, оставаясь в здравом уме'; *cän verürkän gäj sakyn imānuḡu* (СВ, II, 65) 'Отдавая душу, хорошенько сохрани свою веру'.

Надо отметить, что именно только в этих четырех показателях, и также в виде гласного *i*, древний глагол *är-* обнаруживается в современном турецком языке.

Разница между материалом современного турецкого языка и языка староанатолийско-тюркских памятников, по всей вероятности, сводится к тому, что в последних встречаются случаи использования показателя *idük-*⁹: *ägär bän böjläjidügin bilsäm bir gäzdän gälüridüm* (М, 6а) 'Если бы я знал, что это так, я тотчас же пришел бы'; *bildi kim ḡäl näjidügin* (или *näjdügin?*) (СМД, 207а) 'Он узнал, каково положение'.

Обращает внимание, что и здесь *i-* обнаруживается в форме, выражающей логический предикат (этим же семантическим свойством обладают и формы, о которых речь шла выше), и что образование *idük-* тоже может трактоваться как застывшее. Во всяком случае, его последующая судьба — практически полное исчезновение из употребления в современном турецком языке — подтверждает мысль об утрате элементом *i-* своей лексической природы.

Реликтовые явления способны, как известно, сохраняться в языке в течение многих веков. В «Русско-турецком словаре» (М., 1972) на с. 639 приводится выражение: *idüḡü belirsiz bir herif* 'Он какая-то подозрительная личность'. Арханчность формы *idüḡü* очевидна: в ней нарушена губная гармония. Не исключено, что в некоторой связи с былыми формами *idük-* и с процессом утраты элементом *i-* глагольной природы находится спорадически встречающееся в современном турецком языке и имеющее, по-видимому, диалектный характер использование формы на *-dik* с частицей *deḡil* (также для выражения логического предиката): *Biraz kendini topluyarak, bu kadının ihtiyaç ve çoktan ölmüş Mariya deḡildiğini anladı*¹⁰ 'Придя немного в себя, он понял, что это не старая и давно умершая Мария'. Допустимо, что именно утрата элементом *i-* глагольной природы могла стать предпосылкой принципиальной возможности образования формы *deḡildik-*, выступающей в приведенном примере как антоним былой формы *idük*.

Подтверждением предложенной трактовки формы *idük-* на староанатолийско-тюркском и турецком материале могут служить, приводимые А. П. Поцелуевским туркменские примеры, в которых аффикс *-дык* присоединяется непосредственно к име-

нам¹¹: *Махым Тахырың ашыкдыгыны аңлады* 'Махым понял, что Тахир влюблен'; *Берик гел, нәдигин айдайин* 'Иди сюда, я скажу, что это такое'.

Уместно также сравнить форму *idük-* с узбекскими формами *экан* (<эр+кан) и *эканлик*, способными выступать как средство трансформации именных предложений в развернутые подлежащие или дополнения простых предложений¹². Но если в узбекском языке названные формы продолжают сосуществовать с формой на *-ган* глагола *бўл-*, отличаясь от последних по значению, в турецком языке форма *idük-* практически полностью вытеснена формой на *-dik* глагола *olmak*.

Сравнение материала древнетюркских памятников, староанатолийско-тюркского и современного турецкого языков позволяет сделать вывод о том, что существовавший в древности глагол *är-* с течением времени утрачивал признаки полнозначного глагола, все больше и больше использовался для выполнения служебных грамматических функций и, сливаясь с рядом показателей в неделимое целое, подвергался фонетической трансформации. Конечным итогом этого процесса стала полная потеря им как лексической, так и морфологической самостоятельности. Само количество показателей, в которых он выделяется, сокращалось, и в современном турецком языке оно равно четырем (*idi, imiş, ise, iken*)¹³.

Наблюдаемая еще в староанатолийско-тюркском языке способность элемента *i-* выпадать без ущерба для значения форм, образуемых с помощью рассматривавшихся показателей, — лишь одно из проявлений того, что этот элемент полностью утерял свою глагольную природу.

Продолжать именовать элемент *i-* «недостаточным глаголом» означает в свете сказанного смешивать диахронический и синхронический аспекты языка. Нельзя утверждать, что нечто есть глагол только на том основании, что это нечто было глаголом много веков тому назад. История языков знает немало примеров полного перерождения морфологических элементов, и в качестве наиболее тривиального примера можно назвать развитие морфологических показателей из лексически полноценных слов. В тюркских языках это, например, развитие личных аффиксов из личных местоимений, превращение свободных сочетаний деепричастных и финитных глагольных форм в сложно-вербальные конструкции и последующее перерождение последних в грамматические формы с модальным (как формы невозможности) или временным (как турецкое настоящее время данного момента) значением, развитие аффикса сказуемости 3-го лица *-dur* из причастно-финитной формы на *-(A)r* глагола *durmak* и др.

Отказ от представления о «недостаточном глаголе» *i-* и ло-

гически вытекающее из этого рассмотрение образований *idi*, *imiš*, *isä*, *ikän* в качестве цельных, неразложимых с точки зрения современного языкового состояния показателей неизбежно влекут за собой некоторый пересмотр грамматической схемы.

Прежде всего оказывается необходимым расширить границы именной категории сказуемости путем включения в состав конституирующих ее форм тех, которые образуются с помощью показателей *idi*-, *imiš*-, *isä*- и которые, несомненно, являются финитными¹⁴. Сопоставление же всех форм этой категории между собой поможет полнее выявить как то, что их объединяет, так и то, что обуславливает разделение категории на соответствующие подкатегории.

В основе предпринимаемой в настоящей работе попытки интерпретации всех финитных форм именных частей речи (т. е. имен существительных, прилагательных, наречий, числительных, местоимений и предикативов¹⁵) в качестве элементов, составляющих одну отдельную категорию, лежит представление, что морфологическая категория — это «ряды словоформ, объединенных категориальной функцией»¹⁶.

В единый ряд именные финитные формы объединяются прежде всего общностью их синтаксической функции: в синтаксических конструкциях они всегда выступают только как сказуемые (см. примеры на с. 237).

Сравнивая между собой по смыслу именные финитные формы (для этого достаточно воспользоваться приведенными выше примерами: *aşyqvat* 'я влюбленный'; *dälüväm* 'я — безумец'; *äoludur* '[они] — полны'; *jedi jaşynda idi* '[он] был семи лет'; *var imiš* 'оказывается, есть [они]'; *gözlü isäñ* букв. 'если ты — имеющий глаза'), необходимо отметить, что каждая из них передает нечто, о чем что-нибудь сообщается, т. е. выражает совершенно определенную форму мышления, имеющую субъектно-предикатную структуру: предмет мысли (субъект) — сообщение о предмете мысли (предикат). В логике эта форма мышления, как известно, называется суждением. Любая финитная форма предстает как морфологическое средство передачи субъектно-предикатной структуры мысли, или суждения.

Именные финитные формы представляют субъект каким-либо конкретным грамматическим лицом единственного или множественного числа, и в этом смысле они являются личными формами. Указание на лицо субъекта производится с помощью личных аффиксов, входящих в состав этих форм.

Содержание предиката раскрывается с помощью присвязочной части, т. е. того конкретного слова, которое выступает в финитной форме.

Представляется, что в отношении языка наиболее важной

стороной взаимосвязи терминов суждения следует считать не то, что они соотносятся как отдельное и всеобщее¹⁷, а именно то, что в предикате содержится какое-либо сообщение о субъекте¹⁸. Эту сторону взаимоотношений членов суждения на первый план выдвигает коммуникативная функция языка. Распространенная точка зрения, согласно которой предикат есть знание о признаке или о свойстве предмета¹⁹, требует от нас неоправданно расширенного толкования терминов «признак, свойство» в применении к языковой семантике. Целесообразно связывать выражение признаков с прилагательными, наречиями, принимая в то же время, что, например, имена существительные обозначают предметы, а местоимения посредством указания могут выражать и предметы и признаки. Поэтому, если в финитной форме выступает слово, обозначающее или указывающее на предмет [*tägrivän* (СВ, I, 55) 'Я — бог'; *bänvänin dopragyla su* (КД, 9) 'Земля и вода есть я'], то с лингвистической точки зрения более оправданно говорить, что и здесь оно выражает предмет, который находится в тех или иных отношениях с субъектом.

Из сказанного следует, что «мыслительный акт предикации» должен пониматься не как акт обобщения, генерализации²⁰, а как такая интерпретация человеческим сознанием явлений внеязыковой реальности, которая облекается в субъектно-предикатную форму мысли, отливается в суждение²¹.

Коль скоро суждение рассматривается в качестве содержательной стороны грамматического значения морфологической категории, необходимо определить позицию по вопросу об отношении суждений к повествовательным, вопросительным и повелительным предложениям. В этом вопросе представляется убедительной точка зрения, согласно которой следует отказаться от аристотелевского учения о суждении как о содержании повествовательного предложения, считать «существенным общим признаком» суждения, вопроса и побуждения «то, что они имеют одинаковое членение на соотносительные понятия субъекта и предиката», и рассматривать суждение как родовое понятие, включающее три вида — повествовательное, вопросительное и побудительное²².

Однако нельзя не отметить, что само деление предложений на повествовательные, вопросительные и повелительные в принципе едва ли удачно, ибо повеление или побуждение традиционно считается модальностью, соответствующая глагольная категория, выражающая повеление, признается наклонением. Едва ли у повеления есть какая-либо сторона, объединяющая его с повествованием и вопросом и в то же время отрывающая его от других видов модальности.

Важно подчеркнуть, что характер взаимоотношений членов

суждения в значительной мере зависит от того, что отражает понятие, выступающее в качестве предиката. «Если предикативно выступает понятие, отражающее вещь или ее статическое качество, то оно в предложении оформляется именным предикатом... Если предикативно выступает понятие действия, процесса, динамического качества, то оно выражается глаголом или глагольной группой...»²³.

Отсюда следует, что финитные формы слов, входящих в состав именных частей речи, способны передавать в качестве смыслов некоторые отношения между элементами внеязыковой реальности, отличные от тех отношений, которые передают глагольные финитные формы²⁴, что связано с объективной природой этих элементов. Это хорошо видно, если мы берем «крайние» случаи типа турецких: *Ahmed askerdir* 'Ахмед — солдат' и *Ahmed çalışıyor* 'Ахмед работает'.

Анализируя конкретные примеры, можно составить некоторое представление о смыслах, выражаемых именными финитными формами. В примерах типа *siz kör siz* (СВ, XXIV, 4) 'Вы слепы' предмет, воспринятый как субъект, выступает носителем признака, представленного в качестве предиката. В примерах *cihāny, kim görür siz kamu oldur* (СВ, XXIV, 4) 'Весь мир, который вы видите, есть он' и *nävüz* (СВ, XVI, 1) 'То, чем мы являемся' устанавливается отношение тождества предметов. В примерах типа *sānūjvām* (СВ, XXI, 9) 'Я — твой' находит выражение отношение принадлежности. В примере *kişi bu nūr ilā müsülmān dur* (СВ, I, 43) 'Человек, наделенный этим светом, — мусульманин' можно видеть включение предмета в некий класс предметов и т. д. Приведенные примеры показывают, что именным предикатом выражаются понятия, отражающие предметы, их признаки, состояния и т. д.

Разумеется, что предложения с именным сказуемым могут быть повествовательными (см. примеры) или вопросительными: *siz nə qavmsyz?* (СМД, 87а) 'Что вы за народ?'.

Для того чтобы выяснить, какие модальные значения способна выразить именная категория сказуемости, необходимо сопоставить ее различные формы.

Сопоставление форм *aşuqam, körsiz* с формами, образованными с помощью показателей *imiş-* и *isä-* (*var imiş, varsa*, см. выше), убеждает в том, что первые указывают на прямое соответствие содержания высказывания внеязыковой реальности, т. е. передают изъявительную модальность; вторые выражают субъективную модальность, т. е. указание на то, что говорящий сообщает о факте, о котором он узнал от другого лица, или что сообщение является результатом неожиданного узнавания, внезапного умозаключения; третьи содержат указание на то, что сообщаемый в форме суждения факт является условием суще-

ствования, реализации какого-либо другого явления, т. е. выражают условную модальность.

Разграничение форм именной категории сказуемости, связанное с выражением ими модальностей, согласуется с тем, что модальность относят к числу обязательных признаков законченного высказывания, а также с тем, что модальность рассматривается как «общая семантическая категория, связанная условием констелляции с категорией предикативности»²⁵.

Сравнение форм типа *aşyquam*, *kör siz* (см. выше) с формами, образованными с помощью показателя *idi-: sänmidäg* (М, 59а) 'Ты ли это был?'; *vardy* (см. выше), убеждает, что они выражают одну и ту же — изъявительную — модальность, но разные временные характеристики. Первые относят содержание предиката к настоящему времени, вторые — к прошедшему.

Итак, оказывается, что формы, конституирующие именную категорию сказуемости, распадаются на три группы в зависимости от их модального значения, а формы, выражающие изъявительную модальность, в свою очередь, делятся на формы настоящего времени и формы прошедшего времени.

Настоящее время изъявительной модальности в староанатолийско-тюркском языке передается формами, образуемыми с помощью личных аффиксов²⁶:

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>-mān</i> (Руми), <i>-vān</i> <i>vānin</i> , <i>-vām</i> (СВ), <i>-(j)in</i> <i>-(j)ām</i> , <i>-(j)im</i> , <i>-(j)ūm</i>	<i>-vüz</i> , <i>-(j)üz</i>
2-е л. <i>-sān</i> , <i>-sen</i> (?) <i>-sin</i>	<i>-siz</i>
3-е л. <i>-durur</i> , <i>-dur</i>	<i>-durur(lar)</i> , <i>-dur(lar)</i>

Прошедшее время изъявительной модальности выражается формами, образуемыми аффиксами:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>(i)düm</i>	<i>-(i)dük</i>
2-е л.	<i>(i)düg</i>	<i>-(i)dügüz</i>
3-е л.	<i>(i)dī</i>	<i>-(i)dī(ler)</i>

Формы субъективной модальности образуются с помощью показателя *(i)miš* + личный аффикс (в 1-м и 2-м лице тот же, что и в формах настоящего времени изъявительной модальности, в 3-м лице единственного числа — нулевая морфема, в 3-м лице множественного числа возможен аффикс *-lar*).

Формы условной модальности образуются с помощью показателей, имеющих в качестве общего компонента аффикс *(i)sä*:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	(i)sām	(i)sāvūz
2-е л.	(i)saṇ	(i)sāṇūz
3-е л.	(i)sā	(i)sā(lār)

Формы именной категории сказуемости современного турецкого языка незначительно отличаются от форм староанатолийско-тюркского языка.

Формы изъявительной модальности в современном турецком языке:

	Настоящее время		Прошедшее время	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
1-е л.	-(y)im	-(y)iz	(i)dim	(i)dik
2-е л.	-sin	-siniz	(i)din	(i)diniz
3-е л.	-dir	-dir(ler)	(i)di	(i)di (ler)

Формы субъективной модальности в современном турецком языке образуются с помощью (i)miş + личные аффиксы настоящего времени изъявительной модальности в 1-м и 2-м лице, нулевая морфема или -lar в 3-м лице.

Формы условной модальности в современном турецком языке:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	(i)sem	(i)sek
2-е л.	(i)sen	(i)seniz
3-е л.	(i)se	(i)se(ler) ²

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в староанатолийско-тюркском, ни в турецком языке сложные образования типа (i)mişti и (i)sājdi, по-видимому, не используются. Возможно, что это связано в первом случае с тем, что такое образование лишает форму ее модального значения, во втором — с тем, что функцию выражения нереального условия взял на себя глагол *olmak*. Иными словами, отсутствие образований типа (i)sājdi, вероятно, следствие тесного взаимодействия именной и глагольной категорий сказуемости, которое привело и к исчезновению формы *idük* (см. с. 238).

Именная и глагольная категории сказуемости функционируют в речи, дополняя друг друга. И там, где возможности именной категории сказуемости оказываются исчерпанными (в частности, для выражения тех модальных и временных значений, которых не имеет именная категория сказуемости), используются глаголы, способные выступать в роли связки и имеющие в таких случаях значение «быть» (*olmak*, *bulunmak* и др.): *Ahmed asker olsaydı* 'Если бы Ахмед был солдатом' и т. п.

В качестве присвязочной части именного сказуемого могут выступать не только слова именных частей речи, но и глагольные именные формы (имена действия, причастия, субстантивно-адъективные формы, деепричастия²⁷), например: *üçüncüsi — axirät müzdinä ermäkdür* (КД, 1) 'Третье [к чему стремятся] → добиться вознаграждения в загробном мире'.

Однако если в роли присвязочной части выступают такие глагольные имена, как причастия на *-(A)r*, *-myš*, субстантивно-адъективные формы на *-(j)asy* и *-(j)acak*, деепричастие на *-(j)ur*, то оказывается, что перед нами или сложившиеся глагольные временные формы, или формы, тяготеющие к системе времен индикатива: *Jalvarurvan tägrijä dün ü gün* (СВ, II, 101) 'Молю бога день и ночь'; *bu masaly isitmişvân* (КД, 41) 'Я слышал эту сказку'; *anuñ zijäny gerü mälikä dönäsidiür* (КД, 57) 'Вред от этого обратится против царя'; *bilmäzüz ki här bir kiši nä edäcäkdür* (М, 46а) 'Мы не знаем, что сделает каждый в отдельности'; *götmägä dutupdur jüzi kärvân* (Ч, 11) 'Караван приготовился тронуться в путь'.

Но даже сложившиеся временные формы обнаруживают связь с теми глагольно-именными формами, к которым они восходят, что проявляется, в частности, в том, что они способны образовывать отрицательную форму не только с помощью показателя *-ma*, но и с помощью слова *dägül*: *ol işdän durur dägüldür* (КД, 44) '[Они] не оставляют это дело'.

Известное положение о том, что глагольные временные формы изъявительного наклонения восходят к личным формам «причастий», в свете сказанного предстает в несколько ином аспекте: формы изъявительного наклонения развились из форм именной категории сказуемости глагольных имен (причастий, формы на *-(j)acak* и деепричастий).

Поскольку в тюркском языкознании в настоящее время отстаивается точка зрения, согласно которой сказуемое каждого предложения в тюркских языках по крайней мере исторически всегда имело в своем составе атрибутивную глагольную форму, выражавшую «универсальный динамический признак»²⁸, следует подчеркнуть, что само существование именной категории сказуемости свидетельствует, что предикат совсем не обязательно должен передаваться с помощью глагола и совсем не обязательно должен содержать «универсальный динамический признак». Да и староанатолийско-тюркские примеры типа *siz kör siz* (см. выше), в которых нет и следа никакого глагола, позволяют думать, что образование «имя+личное местоимение» в принципе могло быть в числе наиболее древних именных финитных форм.

Процесс утраты элементом *i-* и показателем *-dur(ur)* глагольной природы, о котором говорилось выше, тоже свидетель-

ствует о том, что сказуемое совсем не обязательно должно быть глагольным. Он также позволяет говорить, что позиции именной категории сказуемости в истории языка крепли, количество ее форм возросло.

Именная и глагольная категория сказуемости, которые, как отмечалось, функционально дополняют друг друга, представляют собой грамматические, морфологические средства выражения мысли в форме суждения, которая дополняется модальными и временными значениями.

Уместно отметить, что морфологические средства выражения суждения взаимодействуют в речи с лексическими средствами, т. е. с прямым называнием субъекта и предиката и организацией предикативной по своей структуре синтаксической конструкции типа турецкого *Ahmed asker* 'Ахмед — солдат', ср.: *alindā siz anug* (СВ, XXIV, 7) 'Вы в его руках'. Предикат в таких случаях выражается не присвяточной частью финитной формы, а словом в нефинитной форме. А в предложениях типа *vardy Kan'ānda bir sārvar kiši* (ЮЗ, 2) 'Жил в Ханаане знатный человек' суждение выражено дважды: финитной формой предикатива *var* 'есть, имеется' и предикативной структурой синтаксической конструкции.

Из всего сказанного выше следует:

1. Необходимо отказаться от представления о недостаточном глаголе *i-*. Надо признать, что уже на синхронном срезе анатолийско-тюркского языка XIII—XV вв. можно говорить лишь об общем элементе — неустойчивом гласном *i*, который обнаруживается в показателях: *idi, imiš, isā, idūk, ikān*. Перечисленные показатели целесообразно рассматривать как неделимые аналитические форманты.

2. Ряды синтетических и аналитических личных форм, в которых слова именных частей речи и глагольные имена выступают в функции сказуемого, составляют общий морфологический ряд — именную категорию сказуемости.

3. Именная категория сказуемости представляет собой (наряду с глагольной категорией сказуемости) морфологическое средство выражения субъектно-предикатной формы мышления (суждения), которая и составляет содержательно-семантическую сторону этой категории. В передаваемых ею суждениях в качестве предиката выступают понятия, отражающие предметы, признаки, обстоятельства.

4. Личные формы, конституирующие именную категорию сказуемости, распадаются на: 1) формы изъявительной модальности, которые, в свою очередь, делятся на формы, выражающие настоящее время (типа *kišivān, kišisān, kišidur(ur)* 'я, ты, он и т. д. человек'), и формы, выражающие прошедшее время (*kiši idüm, idūḡ, idi* 'я, ты, он и т. д. был человеком');

- 2) формы субъективной модальности (показатель *imiş*);
 3) формы условной модальности (показатель *isä*).

5. Именная категория сказуемости тесно взаимодействует с аналогичной глагольной категорией, уступая место последней в тех случаях, когда необходимо выразить время или модальность, которые не могут быть выражены с помощью именного сказуемого.

6. Глагольные временные формы индикатива восходят в основном к формам именной категории сказуемости глагольных имен (причастий, субстантивно-адъективных форм, деепричастий).

7. Нельзя согласиться с утверждением, что сказуемое в тюркских языках обязательно имеет или имело в своем составе в прошлом глагольную форму, т. е. является или было глагольным. Образования типа *kişi män* могли быть в числе наиболее древних финитных форм.

СОКРАЩЕНИЯ

- КД — *Kälila vä Dimna* (Калила и Димна). Издание: A. Zajączkowski. *Studja nad językiem staroosmańskim. 1. Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny.* Kraków, 1934.
 М — *Marzubānnāmā* (Книга Марзбана). Издание: Z. Korkmaz. *Sadru'd-dīn Şeyhoğlu, Marzubān-nāme tercümesi. İnceleme—Metin—Süzlük—Tıpkıbasım.* Ankara, 1973.
 Руми — тюркские строки и стихи в произведениях Джелялеddина Руми. Издание: M. Mansuroğlu. *Caläladdin Rûmî's türkische Verse.* — UAJb. Bd 24, 3—4. Wiesbaden, 1952, с. 106—115.
 СВ — тюркские стихи Султана Веледа. Издание: M. Mansuroğlu. *Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri.* Istanbul, 1958.
 СМД — *Qyssa-i Mâlik Danişmând* (Сказание о Мелике Данышменде). Список хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Датирован 1622 г. Представляет язык XIII—XIV вв.
 Ч — *Çarxnamâ* (Поэма о превратностях судьбы). Издание: M. Mansuroğlu, Ahmed Fakih. *Çarhname. Yayımlayan ve işleyen Mecdut Mansuroğlu.* Istanbul, 1956.
 ЮЗ — *Jüsuf ü Zulaixa* (Юсуф и Зулейха). Издание: D. Dilçin. *Şeyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha. Nakl eden: Dehri Dilçin, Istanbul, 1946.*

¹ Ср., например: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 51—54; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 387—389, § 774—776; он же. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 349—350, § 457.

² См.: В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 279—282; Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, с. 218—220.

³ См.: А. Ходжиев. Недостаточный глагол в узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1968, с. 4—8.

⁴ А. Ходжиев. Недостаточный глагол, с. 8.

⁵ A. v. Gabain. *Altürkische Grammatik. 2. verbesserte Auflage.* Lpz., 1950, с. 126.

⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, с. 365; A. v. Gabain. *Altürkische Grammatik*, с. 298.

⁷ Ср.: Д. М. Насилов. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках.— ВЯ. 1960, № 3, с. 93.

⁸ A. v. Gabain. *Altürkische Grammatik*, с. 157—158.

⁹ См. также: XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanıklariyle tarama sözlüğü. III. E—I. Ankara, 1967, с. 2012—2013.

¹⁰ Yordan Yovkov. Seçilmiş hikâyeler. Sofya, 1960, с. 57.

¹¹ А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975, с. 236, § 153.

¹² С. Н. Иванов. Модальная связка *экан* и форма *эканлик* в узбекском языке.— «Ученые записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук. 1958, № 256, вып. 7, с. 131—145.

¹³ В современном узбекском языке насчитывается пять показателей с этим элементом: *эди, эмиш, эса, экан, эмас* (см.: А. Ходжиев. Недостаточный глагол, с. 8—46).

¹⁴ Отказ от представления о «недостаточном глаголе» предопределяет пересмотр интерпретации показателя *узди* в качестве деепричастного по крайней мере в сфере имен. Однако этот вопрос здесь не рассматривается, поскольку он выходит за рамки темы настоящей работы.

¹⁵ О предикативах см.: Дж. С. Ахмедов. Предикативы в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1970.

¹⁶ С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 27.

¹⁷ См.: Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965, с. 77—95; Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. М., 1975, с. 51—63 и сл.

¹⁸ Ср.: Н. И. Кондаков. Логический словарь-справочник. 2-е исправленное и дополненное издание. М., 1976, с. 473, 574 (статьи: «предикат», «субъект», «суждение»).

¹⁹ Ср., например, у П. В. Таванца: «Субъект есть знание о предмете суждения. Предикат есть знание о признаке предмета» (цит. по: Г. В. Колшанский. Логика и структура языка, с. 79, прим. 1).

²⁰ Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков, с. 52 и сл.

²¹ Ср. у Г. П. Мельникова: «...акт предикации вносит в сознание слушателя ту или иную степень изменения возбужденного образа» (Г. П. Мельников. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики.— НАА. 1969, № 6, с. 109); ср. также: он же. Сущность предикации и способы ее языкового выражения.— Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). М., 1969, с. 116—125.

²² Г. В. Колшанский. Логика и структура языка, с. 96 и сл.

²³ Г. В. Колшанский. Логика и структура языка, с. 145.

²⁴ Несомненно, что все глагольные финитные формы также объединяются в единую категорию сказуемости на основе того, что и они способны выступать только в роли сказуемого и выражают мысль в форме суждения. Однако анализ этой глагольной категории выходит за рамки настоящей статьи.

²⁵ Г. В. Колшанский. Логика и структура языка, с. 93—94.

²⁶ Здесь не рассматривается вопрос о том, в какой мере приводимые аффиксы подвергались действию гармонии гласных.

²⁷ См.: В. Г. Гузев. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория.— *Turcologica*. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 56—64.

²⁸ Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков, с. 63—91 и сл.